

УДК 947.1(575.2)02

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ

С.К. Джыбыкеев, Д.Д. Мукамбетов

Рассматриваются метафизические причины генезиса Кыргызского великодержавия. Утверждение манихейства в качестве государственной религии Уйгурского каганата во второй половине VIII века стало поворотным пунктом в истории Турана. Манихейское вероучение кардинально противоречило основам традиционных природоцентричных религий туранских народов, что привело к глубокому кризису внутри самого Уйгурского каганата и в его отношениях с соседними государствами. Длительная борьба енисейских кыргызов и других народов Восточного Турана за сохранение своей духовно-религиозной идентичности привела к возникновению Кыргызского великодержавия.

Ключевые слова: Туран; Алтай; Кыргызское великодержавие; Уйгурский каганат; енисейские кыргызы; манихейство; природоцентризм; религия.

КЫРГЫЗДЫН УЛУУ ДЕРЖАВАСЫНЫН МЕТАФИЗИКАЛЫК НЕГИЗИ

С.К. Джыбыкеев, Д.Д. Мукамбетов

Бул эмгекте Кыргыздын улуу державасынын генезисинин метафизикалык себептери талкууланат. VIII кылымдын экинчи жарымында манихейизмдин Уйгур каганатынын мамлекеттик дини катары кабыл алынышы Туран тарыхындагы бурулуш учур болду. Манихей догмасы Туран элдеринин салттуу жаратылышка негизделген салттуу диндеринин түп тамырына карама-каршы келген, бул Уйгур каганатынын ичинде жана коңшу мамлекеттер менен болгон мамиледе терең кризиске алып келген. Енисей кыргыздардын жана Чыгыш Турандагы башка элдердин руханий жана диний өзгөчөлүгүн сактап калуу үчүн узакка созулган күрөшү Кыргыздын улуу державасынын пайда болушуна алып келген.

Түйүндүү сөздөр: Туран; Алтай; Кыргыздын улуу державасы; Уйгур каганаты; енисей кыргыздары; манихейизм; табият-центризм; дин.

THE METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF THE KYRGYZ GREAT POWERNESS

S.K. Dzhybykееv, D.D. Mukambetov

This paper is about the metaphysical reasons for the genesis of the Kyrgyz great powerness. The establishment of Manichaeism as a state religion of the Uyghur Khaganate in the second half of the VIIIth century became a turning point in the history of Turan. The Manichean faith radically contradicted the foundations of the traditional nature-centered religions of the Turan peoples, which led to a deep crisis within the Uighur state itself and in its relations with neighboring states. The long struggle of the Yenisei Kyrgyz and other peoples of Eastern Turan to preserve their spiritual and religious identity resulted the emergence of the Kyrgyz great powerness.

Keywords: Turan; Altai; the Kyrgyz great powerness; Uyghur khaganate; yenisei kyrgyz; manichaeism; nature-centrism; religion.

И смерти нет почетней той,
Что ты принять готов
За кости пращуров своих,
За храм своих богов.

Квинт Гораций Флакк.

Введение. Кочевые народы степного пояса Евразии (Турана) играли важную роль в мировой истории, что обусловило высокий еще с самой древности интерес к их изучению. За весь период существования кочевниковедения учеными разных стран проведен комплекс исследований, посвященных истории, этногенезу и культуре кочевых народов, населявших пространство Турана.

Наиболее подробно изучены материальные стороны бытия кочевых народов, а именно роль природных, хозяйственных, экономических факторов в жизни кочевых народов в политических процессах на просторах Евразии, структуры социальной повседневности и многое другое.

Особое место занимает изучение роли личности, человеческого фактора в историческом процессе кочевых народов. Однако, как известно, «не хлебом единым жив человек, а всем исходящим из Уст Божьих». Изучение социально-хозяйственных основ жизнедеятельности кочевых народов есть необходимое, но недостаточное условие для постижения сложного и многогранного процесса исторического развития кочевого мира Евразии (Турана). Поэтому все большую актуальность приобретает изучение метафизического аспекта в истории Турана.

В этом направлении значительное место среди изучаемых в современном кочевниковедении вопросов занимает возникновение имперских традиций у древних тюрок, уйгуров, киданей, монголов, а также влияние культурно-религиозных факторов на историческое развитие кочевых народов.

Однако вместе с тем метафизический аспект истории Турана по большей части продолжает оставаться *terra incognita*, что существенно ограничивает понимание логики истории как Турана в целом, так и отдельных его народов в частности.

Пожалуй, одним из наиболее наглядных тому примеров является степень изученности в науке такого феномена, как «Кыргызское великодержавие».

Истоки Кыргызского великодержавия. Хотя в науке эпоху Кыргызского великодержавия принято отсчитывать с 840 года, толчком к его генезису стали события, происходившие в восточной части Турана во второй половине VIII века.

С середины VIII столетия макрорегион Турана переживал бурный процесс структурной перестройки, вызванной очередной сменой в Степи доминирующей геополитической силы.

В 745 году произошло крушение Второго Восточно-Тюркского каганата. В развернувшейся ожесточенной войне за «тюркское наследство» победу одержали уйгурские племена, ранее бывшие вассалами восточных тюрок.

В 746–747 гг. уйгурский Элетмиш Бильге-каган разгромил своих бывших партнеров по антитюркской борьбе карлуков и басмалов. В 751 году уйгурами были покорены племена чиков и азов, населявшие территорию современной Тувы, а в 758 году уйгурами были приведены в подчинение и земли енисейских кыргызов.

Одновременно с этим уйгуры пресекали любые попытки восточных тюрок вернуть себе утраченное в Степи лидерство. Так, в 755–763 годы уйгурские войска оказали активную помощь правившей в Китае династии Тан в подавлении восстания танского генерала Ань Лушаня, основу сил которого составляли тюрки. По итогам этой гражданской войны Танский Китай был существенно ослаблен и автоматически попал в военно-политическую зависимость от своих уйгурских союзников.

В результате всех этих завоеваний уйгуры сумели распространить свою власть на громадные территории Восточного Турана и основать новую державу – Уйгурский каганат. Покоренные народы Турана и Китай были вынуждены выплачивать уйгурам тяжелую дань.

Поворотным пунктом, водоразделом в истории Уйгурского каганата и Турана в целом стало принятие уйгурами новой религии – манихейства. Как правило, многие ортодоксальные историки, воспитанные в духе материалистических теорий и подходов, обычно игнорируют или не-

дооценивают указанное событие, ограничивая значение манихейства только рамками торгово-экономических процессов на Великом Шелковом пути того времени.

Манихейский фактор в Туране. Возникнув в первой половине III века, манихейство наряду с зороастризмом пыталось стать государственной религией Сасанидской империи. На период царствования персидского царя Шапура (240–273 гг.) пришелся пик расцвета манихейского вероучения в Иране.

Впоследствии верх взяли зороастрийцы, что повлекло за собой репрессии против манихеев и их изгнание за пределы Ирана, в том числе и в Центральную Азию. Разрозненные манихейские общины нашли убежище в землях Согдианы и Китая, но в течение многих лет они постоянно лелеяли мечту о своем возрождении в качестве государственной религии.

Встреча уйгуров с манихейским учением произошла во время подавления мятежа Ань Лушаня. Находясь в китайской столице Лояне в 762 году, уйгурский Бёгю-каган познакомился с манихейскими священниками и был посвящен ими в их «религию света». Манихеи провозгласили кагана божественным посланником самого основателя манихейства Мани, призванного нести свет праведной религии в «темные и дикие массы» народов Турана.

Манихейство изначально было прозелитической религиозной системой, нацеленной на институализацию в форме государственной церкви и экспансию путем увеличения количества своих последователей за счет вытеснения других религий и культов.

Поэтому, когда Бёгю-каган, возвращаясь в родные земли, помимо богатой добычи и пленников, привез с собой четырех манихейских проповедников, последние незамедлительно развернули свою деятельность по обращению в манихейство уйгуров, прежде всего представителей правящего класса. Уже в 763 году манихейство было официально провозглашено государственной религией Уйгурского каганата, а в 771 году под давлением уйгуров император Танского Китая был вынужден дать разрешение на открытие манихейских святынь на территории Поднебесной.

Если логику манихейской религиозной доктрины можно понять, то чем объясняется принятие уйгурами новой религии?

Несмотря на свои военно-политические успехи, в середине VIII века уйгурское общество переживало острый духовно-идеологический кризис, вызванный распадом своих исконных кочевых традиций и природоцентричного уклада. Выходом из этого положения могло быть либо обновление своей традиционной религии, либо обращение в новую веру.

В природоцентричном миропорядке Турана всякая политическая власть была легитимна только в случае ее духовного освящения со стороны жреческой традиции. Идеологическим базисом всех евразийских степных держав было представление о том, что бог Неба Тенгри передавал достойному народу и его правителям мандат на господство над землями Турана.

Главные духовно-религиозные центры Турана располагались в сакральной географической зоне Саяно-Алтая. Алтайские горы были тем местом, где наиболее полно происходило излияние на землю трансцендентной божественной силы и благодати, которые стяжались служителями природоцентричных культов и затем передавались степным каганам, чьей ставкой была местность Отюкен в Срединной Монголии. Духовное освящение позволяло каганам на легитимной основе утверждать силу закона и политическое господство над туранскими народами [1, с. 27, 47].

Однако глубинное несоответствие метафизическим установкам сакральной географии Отюкена не позволило уйгурским каганам получить духовное освящение и легитимацию своего политического господства в Степи, что предопределило внутренний концептуальный запрос на иную метафизическую традицию в целях духовного оформления и институализации своего политического господства.

Война миров: природоцентризм против манихейства. Чтобы понять логику истории народов Турана, а также суть происходивших в нем событий и процессов, необходимо использовать по отношению к ним адекватный концептуальный метод и понятийный аппарат, а не пытаться понять их через чуждую парадигму.

В современной науке, основанной на традициях позитивизма и линейной парадигме исторического развития, прочно укоренено мнение о том, что культура кочевых обществ заведомо является более примитивной, чем оседло-

земледельческие культуры. Отсюда неизбежно произрастает императив обязательной и неизбежной смены кочевниками своего социокультурного уклада на чужие, более прогрессивные цивилизационные формы.

В случае с манихейством в истории Турана традиционные историки оценивают его положительно, указывая прежде всего на роль манихеев в развитии материальной сферы, а именно земледелия, градостроительства, письменности, торговли и др.

Как правило, люди, воспитанные в духе материалистических концепций линейного исторического развития, позитивно воспринимают подобные изменения, называя их прогрессом. Однако для правильной оценки всех вышеперечисленных трансформаций, происходивших при манихеизации Уйгурского каганата, нужно исходить не из абстрактных представлений о детерминированности развития как универсального императива в истории, а из того, насколько эти перемены соответствовали цивилизационным канонам туранских народов.

С метафизической точки зрения Туран представляет собой царство земли, охваченное творческим порывом к возрастанию многообразия естественных форм и укреплению гармонии между ними. В пространстве этой культурной ойкумены торжествует натуральная жизнь в ее первозданном виде. Здесь стихия земли пребывает в вечном пульсирующем обновлении натурального миропорядка, а небесные силы призваны соучаствовать в духовном устройении рождающегося изобилия форм. Человек Турана рожден и проникнут земными силами, но духовно призван небом к сохранению и духовному преображению существующего природного уклада, ибо каждая форма изначально содержит в себе сакральную благодать жизни и включена в общий миропорядок предустановленной гармонии.

Духовные истоки традиции Турана основаны на живом диалектическом ритме и синтетическом взаимодополнении человеческого и природного измерений. Человек органично встроен в окружающий его космос; единство духовных путей человеческого и природного находило воплощение в устройении гармонично возрастающего многообразия биосоциальных систем.

Природосообразная установка туранских народов рождает повышенную ориентацию на первозданный природный строй, а также на те традиции и ценности, которые утверждают духовные и хозяйственные практики, соответствующие живому ритму саморазвертывающегося космоса.

В силу цивилизационной ориентации на гармоничное сосуществование различных укладов Туран становился точкой притяжения для самых различных религиозных практик, начиная от ближневосточных учений гностицизма до мистических традиций Востока.

В космоцентричной туранской традиции большинство религиозных систем находило питательную среду для духовного обновления и импульсы для натурфилософского углубления, что позволяло им органично сосуществовать с авангардными метафизическими традициями Турана.

История распространения манихейства стала наиболее вопиющим примером того, как вторгающиеся внешние религиозные системы стремились разрушить космоцентричную самобытность туранской цивилизации и нарушить устоявшийся полицентризм ее народов.

Согласно космологическому учению манихейства [2, с. 122–165], бытие радикальным образом разъято на два противостоящих друг другу полюса – онтологические регионы света и тьмы. Оба эти полюса предвечно отличны друг от друга в силу своего сущностного качества, вследствие чего характер их взаимодействия направлен на полный демонтаж своей противоположности.

В манихейской доктрине безапелляционно утверждается вертикальная дихотомия тонкого небесного порядка, свободного от всякого присутствия природных измерений, с субъектом, сфокусировавшим в себе темные могущества, зримым воплощением которого выступает природный мир. Материя полностью лишена соразмерности и блага, ее творения бесформенны, а потому извечно суетливы и заняты нескончаемой борьбой друг с другом. Природа как манифестация материи образует космологически организованную темницу для духа, вечное заточение для сил света.

Указанный онтологический разрыв между небом и землей, духом и телом утверждает

противоестественную этику освобождения световой сущности от всех материальных форм ее закрепощения.

Помимо вышеуказанной метафизической противоположности манихейского и традиционного природоцентричного мироощущения и мировоззрения, манихеизация уйгуров имела кардинальные антисистемные для кочевого мира Турана последствия.

Во-первых, было нарушено вековечное, строго соблюдавшееся в Степи негласное правило, согласно которому властителем над Тураном мог быть только последователь природоцентризма, поскольку мандат на гегемонию давало верховное божество Неба – Тенгри. Получивший от Неба мандат кочевой народ занимал местность Отюкен в Срединной Монголии, политическом и одном из сакральных центров Турана, и отсюда разворачивался процесс подчинения Великой Степи [3, с. 10].

С принятием уйгурами манихейства в 763 году возникли системное противоречие и несоответствие между формой Уйгурского каганата как степной империи и его религиозным содержанием. В глазах туранских народов это воспринималось как вопиющее нарушение договора между уйгурским каганом и Небом.

Чтобы лучше понять всю остроту этого несоответствия, необходимо представить, как если бы в центре исламского мира – Хиджазе – халифы перешли из ислама в другую, кардинально противоположную ему веру, но при этом продолжали сохранять и осуществлять господство над мусульманскими народами.

Во-вторых, уйгурские каганы своим покровительством манихейству нарушили веками соблюдавшийся в Степи принцип культурно-религиозной терпимости, основанной на космоцентризме.

Манихейское учение предполагало нетерпимое и непримиримое отношение к другим духовно-религиозным укладам. Как прозелитическая религия, манихейство неизбежно предусматривало насильственное поглощение и вытеснение других конфессий и культов, что рассматривалось как цивилизаторская миссия. В Карабала-сагунской стеле манихеи заявляли, что с приходом их «праведного учения света» Уйгурский каганат из «страны диких нравов, наполненной дымящейся кровью, превратился в страну, где

питаются овощами, страна убийства – в страну стремления к добрым делам» [4, с. 143].

На практике реализация манихейской доктрины, согласно которой весь окружающий материальный мир есть зримое воплощение тьмы и зла, означала всестороннюю насильственную трансформацию традиционного природоцентричного миропорядка Турана.

Началась болезненная ломка мировоззренческих, морально-нравственных устоев уйгуров и других кочевых племен Уйгурского каганата [5, с. 464–465]. Манихейские проповедники провозгласили природоцентричные верования ложными, назвав демонами всех прежних богов, которым поклонялись кочевники. Вдобавок манихеи разрушили и предали поруганию все существовавшие на земле Отюкена, центре уйгурской державы, сакральные места и памятники.

Кардинальные перемены в мировоззрении отразились также и в хозяйственной, бытовой сфере [4, с. 143–147]. Как форма борьбы с материей в кочевом обществе было введено воздержание от употребления животной пищи, что заставило уйгуров обратиться к земледелию.

Как идейное воплощение подчинения косной и мертвой природы начался отход от природосообразного кочевого образа жизни к оседло-земледельческому, урбанистическому укладу, чем и объясняется бурное развитие градостроительства в Уйгурском каганате в конце VIII – первой половине IX века.

В-третьих, насаждение манихейских порядков и норм качественно изменило политику Уйгурского каганата в отношении вассальных народов и стран. Ужесточилась эксплуатация покоренных уйгурами этносов, так как теперь тому способствовали религиозные мотивы.

С учетом всего вышеуказанного становится понятным, что принятие и распространение манихейства в Уйгурском каганате привело к взрывному расколу между, с одной стороны, ставшими манихеями каганатами и, с другой – широкими народными массами уйгурского народа и частью уйгурской элиты, которые остались последователями своих исконных природоцентричных устоев.

В фаталистическом сознании тогдашнего кочевого общества переход Бёгю-кагана в чужую веру означал не просто его разрыв с Небом-Тенгри, но также и то, что Небо полностью

лишило кагана своего божественного покровительства и стремилось передать мандат на владение в Туране в руки более достойного избранника.

Политика манихеизации встретила сопротивление среди самих правящих верхов уйгурского народа, приверженцев исконных природоцентричных порядков [4, с. 148, 150].

В 779 году в Уйгурском каганате произошел переворот, направленный против засилья манихейства, в результате которого были убиты каган Бёгю, его семья и сторонники. К власти пришел Тон Бага-тархан (779–789 гг.), который изгнал из страны манихейских служителей и восстановил прежние природоцентричные порядки. Правивший после него Кутлуг Бильге каган (790–795 гг.) также придерживался антиманихейской религиозной политики [6, с. 114].

Однако приверженцы манихейского вероучения в Уйгурском каганате не собирались так просто сдавать свои позиции, ибо слишком велики были ставки в этой борьбе.

В 795 году в результате переворота, организованного при активной поддержке манихейских религиозных кругов, была свергнута законная правящая династия Яглахар, и власть перешла в руки Кутлуга II, выходца из уйгурского племенного эдизов.

В том же году енисейские кыргызы, воспользовавшись политической смутой в Уйгурском каганате, предприняли попытку восстановления своей независимости, но были подавлены превосходящими вражескими силами.

Династический переворот существенно усилил влияние манихейского фактора в Уйгурском каганате [4, с. 177]. Если ранее уйгурским правителям из династии Яглахар удавалось худо-бедно сохранять баланс между статусами каганов по милости Неба и покровителей манихеев, то теперь каганы из рода эдиз целиком превратились в функцию манихейской церкви.

По сути, после 795 года Уйгурский каганат перестал быть классическим кочевым образованием и превратился в теократическое манихейское государство. Впервые в истории манихейской церкви удалось обрести государственную базу для распространения своего вероучения на новые земли и народы.

Окончательно закрепившись в Уйгурском каганате, манихейские религиозные круги при-

ступили к внешней экспансии. В Китае, Саяно-Алтае [7, с. 84] и других землях началось активное строительство манихейских храмов, а также развернулась пропаганда манихейства среди местного населения. Манихеи рьяно защищали интересы своих единоверцев за пределами своей страны, в том числе при помощи вооруженной силы [4, с. 177].

Манихейский переворот 795 года в уйгурском государстве оформил водораздел не только в истории Уйгурского каганата, но также енисейских кыргызов и других туранских народов.

Если ранее войны между уйгурами и енисейскими кыргызами, карлуками и иными этносами носили характер борьбы за политическое преобладание и ресурсы, то отныне борьба кочевых народов Турана против Уйгурского каганата приобрела отчетливый религиозно-идеологический смысл – защита своего кочевого образа жизни, своей онтологии.

Более того, с этого момента эта война перестала быть сугубо национально-освободительным делом енисейских кыргызов, а приобрела характер борьбы за восстановление поправленного манихеями традиционного кочевого миропорядка в Степи. Религиозный фактор резко изменил характер конфликтов между номадами, целью которых было теперь устранение врага, как носителя враждебного концепта.

В результате тесного переплетения всех вышеперечисленных религиозных и политических факторов возникла идеологическая основа будущего Кыргызского каганата.

Опыт прошлых горьких поражений наглядно продемонстрировал енисейским кыргызам и их лидерам слабость их общественной организации и несостоятельность старых методов борьбы с Уйгурским каганатом. Возникла логическая потребность в смене стратегии, а также мобилизации и качественной перестройке кыргызского общества.

Как отмечает ряд историков [8, с. 140–141], в течение 25 лет, с 795 по 820 год, в кыргызском государстве на Енисее произошли серьезные изменения в политической, хозяйственной и военной [9, с. 138–139] организации, что позволило на равных бороться с могущественным Уйгурским каганатом, в распоряжении которого были огромные людские ресурсы и неисчислимые богатства манихейской церкви.

Идея борьбы против чуждой манихейской идеологии и за восстановление векового природоцентричного миропорядка в Туране позволила енисейским кыргызам сплотить вокруг себя карлуков, тюрков, чиков, азов, курыканов и многих других туранских народов и тем самым обеспечить свою победу.

В 820 году началась война енисейских кыргызов с манихейским теократическим государством. Кыргызский каган в своем знаменитом послании уйгурскому владыке уверенно заявил: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую орду твою, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи» [8, с. 141–142].

Хотя война длилась долгие двадцать лет, перевес в ней все больше склонялся в сторону антиманихейских сил. Последние годы существования Уйгурского каганата были отмечены каскадом событий, которые в фаталистичном сознании тогдашних людей истолковывались как знамения скорого конца уйгурской державы, вызванной карой Бога Тенгри за религиозное отступничество.

839 год на территории каганата выдался неурожайным, а зима начала 840 года – крайне суровой и многоснежной. Обильные снегопады привели к массовому падежу скота, а затем сильному голоду и эпидемии среди уйгурского народа [10, с. 75].

В этих условиях часть уйгурской элиты и народа, которая, несмотря на засилье манихеев, сумела сохранить свои прежние верования и традиции, приняла сторону кыргызов. Уйгурский полководец Гюйлу Мохэ, отвечавший за оборону северных границ Уйгурского каганата, вступил в переговоры с кыргызским каганом. Получив гарантии себе и подчиненным ему уйгурским племенам, он открыл войскам енисейских кыргызов проходы в Саянских горах и присоединился к ним со своими отрядами [11, с. 16–17].

Зимой 840 года соединенные силы енисейских кыргызов и Гюйлу Мохэ разбили войска последнего уйгурского кагана Кут-тегина и взяли столицу Уйгурского каганата город Карабалагун. Победители уничтожили манихейские церкви и молельни, сожгли рукописи с текстами «религии света», истребили и изгнали из Отюкена манихейских проповедников.

Енисейские кыргызы создали на месте бывшего уйгурского государства свой каганат, известный в истории как Кыргызское великодержавие [12, с. 162–169].

В последующие годы политика кыргызов и их союзников была направлена на окончательное искоренение остатков манихейства в Степи. Одновременно с этим происходило избавление от манихейского присутствия в Танской империи и на других землях.

Разгром Уйгурского каганата енисейскими кыргызами не означал истребления уйгурских племен победителями. Так, уйгурский военачальник Гюйлу Мохэ, перешедший на сторону кыргызов, представлял ту часть уйгурского народа, которая сохранила верность своим исконным природоцентричным кочевым истокам. После 840 года он и подчиненные ему уйгурские племена остались жить на своих прежних кочевьях в Монголии [4, с. 186–187].

Двадцатилетняя война 820–840 гг. была столкновением не двух народов, енисейских кыргызов и уйгуров, но столкновением двух онтологических, мировоззренческих систем – природоцентричного миропорядка Турана и манихейства. Со сломом экспансии манихейской ереси была достигнута главная цель всей войны.

Религиозные причины данного противостояния дают убедительное объяснение и так называемому «нарушению орхонской традиции», неразрешенной историками головоломке, почему после разгрома Уйгурского каганата енисейские кыргызы не продолжили свои завоевания в Туране и за его пределами, подобно тюркам и монголам.

Заключение. Кыргызское великодержавие не было исторической случайностью, а стало закономерным результатом драматичной борьбы енисейских кыргызов и других кочевых народов Турана за отстаивание своей онтологической картины мира в условиях экспансии чуждой природоцентричному миропорядку Турана идейно-религиозной системы манихейства.

История с принятием уйгурами манихейства предваряла несколько случаев, когда внешние религиозные системы пытались нарушить традиционный космоцентричный миропорядок в Туране.

Так, в 510-е годы правители Жужаньского каганата попытались внедрить в степи буддизм

[5, с. 24–26], что в итоге привело к идеологическому, а затем и политическому расколу между властью и народом, междоусобицам внутри самого правящего класса жужаней и, как финал, к ослаблению каганата перед лицом внешней угрозы в лице китайской империи Вэй.

В эпоху Первого Тюркского каганата также имело место обращение части тюркской династии Ашина в буддистскую веру. К примеру, каган Таспар (572–581 гг.) перешел в буддизм [5, с. 65, 116] и пытался распространить новую веру среди своих родичей и подданных, однако резкая оппозиция со стороны приверженцев традиционной тюркской религии прекратила эти начинания.

В этом перечне война енисейских кыргызов с манихейским Уйгурским каганатом является наиболее выраженным примером борьбы народов Турана за свою цивилизационную идентичность. Цивилизационное значение великодержавия заключается в том, что благодаря уничтожению манихейства был спасен номадизм как особая форма человеческого бытия.

Однако в современной исторической науке по-прежнему продолжает господствовать взгляд на манихейство как на упущенный исторический шанс народов Турана.

Более того, в этом плане историческая наука все еще придерживается оценки, сформулированной еще Рене Груссе: *«Киргизы пришли для того, чтобы вытеснить уйгуров из «имперской Монголии» на верхнем Орхоне по соседству с нынешними Карабаласагуном и Каракорумом. Однако эти сибирские племена возвратили варварство в Монголии»* (курсив авт.). *Киргизы оставались хозяевами этих территорий вплоть до 920 года, когда они были разгромлены монгольскими хитанами и отброшены назад к степям Енисея»*.

Таким образом, остается недооцененной должным образом роль енисейских кыргызов во всей этой истории с манихейством с позиции онтологии кочевых народов, а также значение Алтая как духовного центра сакральной географии Турана.

Пример Кыргызского великодержавия показывает, что историю Турана в целом и его отдельных народов в частности невозможно понять без учета метафизического измерения. И в связи с этим хочется надеяться, что настоящий труд внесет свой вклад в становление концептуальной базы для обновленного прочтения историала Турана.

Авторы выражают благодарность соратнику и наставнику А.Ш. Дикамбаеву.

Литература

1. *Безертинов Р.Н.* Древнетюркское мировоззрение “Тенгрианство” / Р.Н. Безертинов. URL: <http://kitap.net.ru/bezertinov1.php>
2. *Хосроев А.Л.* История манихейства / А.Л. Хосроев. СПб.: СПбГУ ИДВ РАН, 2007. 494 с.
3. *Дробышев Ю.И.* Средневековый Отыюкен / Ю.И. Дробышев // ВОСТОК (ORIENT). 2012. № 4.
4. *Камалов А.К.* Древние уйгуры. VIII – IX вв. / А.К. Камалов. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
5. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. М.: Айрис-пресс, 2012.
6. *Кляшторный С.Г.* Степные империи Древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2005. 346 с.
7. *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство / Л.Р. Кызласов // ЭО. 2001. № 5. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2001/no5/2001_5_083_Kizlasov.pdf
8. *Бутанаев В.Я.* Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев; науч. ред. В.И. Молодин. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.
9. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов / Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1980.
10. *Бутанаев В.Я.* История енисейских кыргызов / В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2000.
11. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк / В.В. Бартольд. Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1927.
12. *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи / С.Г. Кляшторный // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. URL: <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1959.htm>